

Трибуна молодых ученых

А.А. Бакланов*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССОВ ЯДЕРНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В статье исследуются основные современные подходы к изучению процессов ядерного распространения. Проводится анализ научно-теоретических работ современных авторов в рамках следующих направлений: реализм, неореализм, неолиберализм, политическая психология и теории, находящиеся на стыке парадигм. На основе проработанного материала делается вывод об отсутствии в теории международных отношений теоретической модели, способной полностью описать и объяснить феномен распространения. Выделяется ряд аспектов этого процесса, не охваченных современными исследователями, например влияние религиозно-культурных факторов на принятие решений о приобретении ядерного оружия.

Ключевые слова: ДНЯО, распространение, сдерживание, процесс принятия решений, реализм, неореализм, неолиберализм.

The article explores the main modern theories of nuclear proliferation. It offers a critical review of contemporary conceptual works on proliferation within following theoretical schools: realism, neorealism, neoliberalism, political physiology, and cross-school theories. The analysis reveals the absence of a theoretical model providing a comprehensive explanation of proliferation phenomenon and highlights certain “grey areas” in modern theoretical knowledge about the subject. One of the under-researched aspects is the impact of religious and cultural factors on making a decision about acquiring nuclear weapons.

Key words: NPT, proliferation, deterrence, decision making, realism, neorealism, neoliberalism.

После окончания “холодной войны” значительно активизировались теоретические исследования предпосылок и последствий ядерного распространения, а также все чаще стал выдвигаться тезис о возможности построения жизнеспособных моделей эво-

* Бакланов Антон Александрович, аспирант кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: abacklanov@gmail.com).

люции существующего режима ядерного нераспространения. В значительной степени на это повлиял распад СССР, что повлекло за собой полную неопределенность на всех уровнях международного взаимодействия, в том числе и в рассматриваемой сфере.

Условно все работы по распространенческой тематике можно разделить на две большие теоретические группы. Первая — труды сторонников “технологического детерминизма” (Ч. Кегли, Дж. Кеннеди, У. Ростоу, Л. Уиннера). Стержневым элементом данной школы является положение о том, что все страны стремятся к обладанию ядерным оружием (ЯО), и единственный сдерживающий фактор — их технологическое несовершенство. Данные теории были крайне популярны в 60-х — 70-х гг. XX в. и до сих пор имеют своих ярких приверженцев. Вторая группа — школа “мотивационного анализа”, в рамках которой основное внимание уделяется внутренним и внешним предпосылкам стремления к приобретению ЯО. Концептуальной основой подхода являются положения политических школ реализма и неореализма. Выдвигаемые ими теории достаточно многообразны и варьируются от узкоспециализированных подходов, акцентирующих внимание на одном—двух факторах (как, например, в концепции рационального сдерживания), до объемных моделей, описывающих множество параметров, влияющих на желание или нежелание государства прибегнуть к “ядерному клубу”.

В данной работе будут рассматриваться теории в рамках второй группы, поскольку в ней существует огромное количество разнообразных направлений, достаточно точно описывающих ряд аспектов процесса распространения ЯО. Основная часть исследований, посвященных этой проблематике, сконцентрирована на том, что Б. Франкель называет “загадкой распространения”, но авторы часто расходятся в определении сути данного термина, что в свою очередь ведет к терминологической путанице. Очень часто можно столкнуться со слишком емким значением, вкладываемым в понятие “загадка”: некоторыми исследователями в него включаются различные аспекты ядерного распространения от причин до возможных последствий, и не всегда можно однозначно сказать, что тем или иным автором имелось в виду. Ситуация осложняется и отсутствием до сих пор в научном сообществе единогласно признанного определения термина “ядерное распространение”, что не позволяет в полной мере применить строгий научный подход. При этом исследователям сложно оставаться объективными, так как объект исследования может быть сильно политизирован. Процесс научных изысканий серьезно осложняется и крайней засекреченностью основного объема информации, что поднимает вопрос об истинности получаемых результатов исследований. Вышеупомянутые трудности предопределяют абстрактность теоретических построений и ставят вопрос о возможности позитивистского

подхода к изучению процессов распространения. Тем не менее исследователи часто используют в качестве базиса для своих теорий примеры государств, уже обладающих ЯО, которые более открыты и готовы поделиться значительными объемами информации о причинах и последствиях распространения в занимаемом ими регионе и мире в целом. По мнению американского исследователя Брэдли Тайера, это приводит к этноцентричной модели исследований и не дает возможности здраво оценивать динамику процессов распространения. Часто можно столкнуться с еще более жесткой риторикой о том, что “потенциал теоретических построений в областях, связанных с ядерным оружием, либо себя исчерпал, либо исчерпает в ближайшее время” [6, р. 56]. Действительно, часто политические деятели при решении проблем, связанных с распространением ЯО, опираются на собственный опыт, но в случае, если точную и надежную информацию сложно или невозможно получить вследствие секретности или иных причин, теоретические построения начинают играть решающую роль. В данной статье основное внимание будет уделено анализу теорий, посвященных ответу на вопрос о причинах ядерного распространения. Также будут рассмотрены подходы представителей парадигм реализма, неореализма, неолиберализма, политической психологии и теорий, находящихся на стыке парадигм.

Начнем с наиболее простой, но в то же время комплексной теории — теории рационального сдерживания Кеннета Уолца. Основной целью работ автора было выяснить причины, заставляющие то или иное государство двигаться по пути приобретения ЯО, и определить воздействие процесса распространения на международную стабильность. С точки зрения автора, у любой страны есть два варианта обеспечения своей безопасности: “мощная оборона” или “оружие возмездия”. Первый вариант заставит противника серьезно взвесить издержки по преодолению хорошо укрепленного оборонительного рубежа, на котором будет сосредоточено основное сопротивление (примером здесь может послужить французская линия Мажино). Подобный вариант отмечается автором как слишком дорогой и малоэффективный, вместо него предлагается создание оружия возмездия, способного в случае агрессии нанести противнику потери, во много раз превосходящие выгоду от победы в конфликте. Следуя логике этой теории, исследователь приходит к выводу, что как только страна приобретает ядерный статус и получает технологическую возможность нанесения “удара возмездия”, война между ним и другим ядерным государством становится невозможной, так как возникает вероятность взаимного уничтожения, а победа будет иметь цену несопоставимую с выгодой от конфликта. Подобная логика создает у многих государств желание посредством создания и технологического усовершенствования ЯО обеспечить

целостность своих границ и убедить вероятного противника в бессмысленности агрессии. На основе всего вышесказанного автором выдвигается главный тезис: процесс широкого распространения ЯО неизбежен и приведет к значительному повышению уровня международной стабильности вследствие более осторожного поведения стран в конфликтных ситуациях. Приведенные аргументы достаточно просты и несут отпечаток мышления времен “холодной войны”. Но существует ряд проблем, вытекающих из двух базовых положений реализма, которые серьезно подрывают доверие к теории рационального сдерживания: государство — единый актер, государство — рациональный актер. Также подход К. Уолца значительно страдает от исключительного внимания к военным факторам и игнорирования политических и экономических аспектов международных отношений. Рациональное сдерживание при объяснении и предсказании поведения ядерных государств значительно отходит в сторону от методологических рамок реалистического подхода и использует политическую психологию для аргументации. Например, К. Уолц заявляет: “Военное руководство не любит неопределенности и не будет ввязываться в конфликт с непредсказуемым исходом” [20, р. 54]. Тем самым он спускается на уровень организаций и индивидов, а это противоречит реалистической парадигме, где государство выступает как единое целое и ведет себя рационально. Еще одним ударом по тезису о рациональности поведения государства является положение К. Уолца о бесполезности гонки ядерных вооружений, так как для осуществления сдерживания достаточно лишь небольшого количества боезарядов и средств доставки. Действительно, разработка и введение в строй нового ЯО истощает бюджет и не ведет к укреплению безопасности страны. Но тогда почему СССР и США продолжали вертикальное распространение¹? Существует еще целый ряд моментов, подрывающих доверие к теории рационального сдерживания. К примеру, можно вспомнить о некоторых странах, добровольно отказавшихся от ЯО или его разработок (ЮАР, Аргентина, Бразилия).

Теория К. Уолца приобрела свое развитие в работах Захари С. Девиса и Ричарда К. Беттса. Они разработали подход, который был шире предлагаемого рациональным сдерживанием, но не выходил за рамки реалистической парадигмы. Авторы отошли от концентрации на военной сфере и затронули экономические и политические факторы. “Государство стремится к разработке собственного ядерного оружия только в том случае, если это может укрепить его собственную безопасность” [22, р. 79] — данный тезис стал основой их рассуждений. В то же время, согласно теории, государство может

¹ Вертикальное распространение — наращивание ядерного потенциала ядерными государствами.

решить, что наличие ЯО — угроза для его безопасности, и станет активно участвовать в международных инициативах по поддержанию режима нераспространения. Опираясь на подобный подход, можно объяснить, почему мрачные предсказания 1950-х — начала 1960-х гг. о всеобъемлющем распространении так и не воплотились в реальность. З. Дэвис отмечал, что экономические и, возможно, политические издержки для государства перевесят предполагаемую пользу для безопасности страны. Но стоит также заметить, что данная концепция не объясняет причину, по которой ряд государств начинают военные ядерные программы несмотря на то, что они подрывают их национальную безопасность, и отказываются от поддержания нераспространенческих программ несмотря на значительные стимулы. Подобные явления можно было бы объяснить при изучении внутривнутриполитических процессов и различных групп влияния, но З. Дэвис рассматривал эти факторы как незначительные и второстепенные. В отличие от З. Дэвиса, Р. Беттс сделал ставку как раз на внутривнутриполитические факторы. По его мнению, подход государства к процессу нераспространения зависит от его политической системы и места в мировом сообществе. Однако Р. Беттс не разработал точной градации стран, он лишь отметил, что анархичная сущность международных отношений делает кого-то сильнее, кого-то слабее, некоторых акторов обрекает на изоляцию, других же делает более агрессивными. Таким образом, государство может стремиться к обладанию ЯО, если хочет повысить свой престиж, выйти из изоляции или дать отпор слишком сильному и агрессивному соседу [3, р. 107–109]. Кроме того, Р. Беттс подчеркивал, что внутривнутриполитические факторы могут также оказать решающее влияние на выбор в пользу вступления или невступления в “ядерный клуб”. Так, например, целый ряд экспертов считают, что индийское испытание мирного ядерного устройства в 1974 г. было направлено в первую очередь на снятие социальной напряженности в стране и отвлечение внимания от экономических проблем [4, р. 98–101].

Несмотря на значительный потенциал вышеприведенные теоретические модели страдали от отсутствия системности. Динамично развивающаяся теоретическая школа неореализма предоставила методологические основы для решения этой проблемы. Обладая основными признаками классического реализма, данная школа добавляла новое измерение в исследовательское поле — влияние международной системы на внешнюю политику. Первопроходцем, попытавшимся использовать неореалистические построения для анализа динамики нераспространения, стал автор упомянутой нами концепции рационального сдерживания К. Уолц. Он соединил разработанный им ранее подход с методологией неореализма. До публикации своей работы “Ядерное распространение: дебаты” (“The

Spread of Nuclear Weapons: A Debate”, 1995) К. Уолц не поднимал вопрос о том, как полярность мира влияет на нераспространение (вероятно, в связи с тем, что биполярная система сложилась практически одновременно с появлением ЯО и никогда не рассматривалась отдельно от практики блокового сдерживания). До распада СССР нельзя было представить ЯО в рамках многополярного мира. Однако с середины 1990-х гг. взаимосвязь между полярностью и нераспространением стала одной из центральных тем дискуссий между представителями неореализма. Именно этот вопрос заставил К. Уолца перейти на позиции этой школы. Его основная аргументация все также базировалась на теории рационального сдерживания, при этом он выдвигал тезис о том, что процессы распространения значительно ускорились с момента окончания “холодной войны” [20, р. 58]. По мнению ученого, распад СССР ослабил существующие политические и военные союзы, появившиеся в годы конфронтации, и это привело к уменьшению зоны покрытия “ядерного зонтика”, что заставило ряд стран более серьезно задуматься над вопросами собственной безопасности и могло подтолкнуть к идее о создании собственных сил сдерживания. В качестве примера он приводил регион Северо-Восточной Азии, где после окончания “холодной войны” система “расширенного сдерживания”, осуществляемого США, прекратила существовать, создав тем самым у стран региона ощущение незащищенности, а это может в дальнейшем активизировать распространческие процессы в регионе. Стоит отметить, что К. Уолц, работая в рамках неореализма, никогда не утверждал, что данное теоретическое направление может дать исчерпывающий ответ о причинах распространения и его тенденциях в будущем. Более того, отвечая на критику, он отметил, что распространение — слишком сложный процесс, чтобы описывать его динамику с помощью стандартных теорий международных отношений [20, р. 67].

Несмотря на подобные заявления ряд теоретиков, в частности Бенджамин Франкель, продолжали считать, что неореализм позволяет получить достаточно четкую картину. Б. Франкель оспаривал тезис К. Уолца о влиянии перехода от биполярности к многополярности на усиление динамики распространения, опираясь на аппарат структурализма. Он предлагал отбросить опытный уровень исследования и полностью сосредоточиться на подготовке теоретической базы для более глубокого понимания процессов распространения [8, р. 37]. Исследователь отмечал, что из-за нехватки исторического опыта невозможно однозначно прийти к выводу, что многополярность подталкивает страны к приобретению ЯО. В связи с этим он предполагал, что неореализм дает неоспоримое преимущество при теоретическом исследовании вышеупомянутой проблемы, поскольку позволяет избежать необходимости получения эмпирических данных о столь чувствительной сфере [8, р. 40]. К

сожалению, как показывает практика, использование исключительно теоретического подхода имеет ряд значительных недостатков, например крайне низкую точность предсказания будущей динамики процессов распространения.

В отличие от Б. Франкеля, американский ученый Джон Миршаймер попробовал найти ключ к решению распространенческой головоломки, акцентируя внимание на эмпирической составляющей исследования. В своей работе “Назад в будущее: нестабильность в Европе после холодной войны” (“Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War”) он отмечал, что вероятность войны в Европе с окончанием “холодной войны” значительно возросла и единственное, что может предотвратить подобное развитие событий, — это создание многовекторной системы регионального сдерживания с участием ядерных России, Украины и Германии [13, р. 5–56]. В качестве основного аргумента был выбран тезис о естественной нестабильности, появившейся на территории бывших советских республик и новых восточноевропейских государств, что без средств сдерживания приведет к перманентной конфликтной ситуации. Таким образом, процесс распространения сводился к исключительно военной составляющей политики государства. Сильный удар по концепции был нанесен, когда Украина полностью отказалась от ЯО, не понеся при этом издержек в сфере безопасности.

Попыткой серьезного пересмотра подходов неореализма к нераспространению были работы Барри Бузана, Чарльза Джонса и Ричарда Литтла. Они исходили из того, что неореалистическая концепция, предложенная К. Уолцом, не может в полной мере объяснить мощнейший системный сдвиг, вызванный распадом СССР. Данная группа ученых выступала с позиций “структурного неореализма” и призывала вернуться к рассмотрению групп влияния при анализе процессов, происходивших при переходе международной системы отношений к многополярности. Ими было введено понятие “двойная дилемма безопасности” — поддержание внутренней стабильности в государстве и выживание в противостоянии на международной арене [6, р. 11–13]. В соответствии с данным подходом задачи государства во внутренней политике, такие как обеспечение политической стабильности, социального единства, экономической мощи и технологического развития, должны рассматриваться с учетом более глобальных внешнеполитических задач — поддержания надежных союзов, распределения силы в системе международных отношений, создания и сохранения благоприятного окружения. Решение этих задач может быть как облегчено, так и осложнено приобретением ядерного статуса.

Применение подобной теории позволяет получить значительно более подробную картину факторов, влияющих на принятие ре-

шения о приобретении ЯО, нежели предлагаемую классическим неореализмом. Однако использование структурного реализма в значительной степени затруднено, так как теория содержит большое количество концептуальных противоречий. К примеру, решение о начале разработки ЯО рассматривается авторами теории как внутривнутриполитический шаг, не относящийся к разряду структурных, а это, соответственно, не совместимо с системными теориями реализма.

Теоретические построения реализма и неореализма предлагают слишком общую картину процессов распространения и не дают ясного ответа на вопрос об их причинах, а также точного определения, что рассматривать в качестве основного уровня для анализа — конкретного человека, группу влияния или, например, государство. Именно в его рамках принимается решение об обладании ЯО, однако большинство авторов уклоняются от его точного описания, ограничиваясь общими формулировками. Большинство рассмотренных нами реалистических и неореалистических теорий игнорируют взаимосвязь между внешне- и внутривнутриполитическими целями государства. Подобный подход приводит к чрезмерному ограничению вариантов его поведения на международной арене. Например, полная концентрация на распространении как на проблеме, вытекающей исключительно из сферы безопасности и вызванной внешней неблагоприятной обстановкой, ограничивает возможные действия государства — противника распространения силовым давлением, что оставляет без внимания такие шаги, как экономическая помощь и создание специфических для каждой отдельной страны договоренностей о нераспространении. Более того, принимая во внимание объективные примеры распространения в постбиполярный период, можно предполагать, что путь силового воздействия еще больше укрепит страну в необходимости парирования внешней угрозы и подтолкнет к форсированию разработки ЯО.

Еще одной попыткой найти причины распространения стало исследование рядом ученых в качестве отправной точки анализа внутренних процессов, происходящих в той или иной стране. Данное направление находится на стыке целого ряда теоретических подходов при определенной доминанте неореалистической методологии. Основой его стала книга Митчелла Райса “Ядерное распространение после холодной войны” (“Nuclear Proliferation after the Cold War”). Эта работа не была теорией в чистом виде. В ней рассматривался широкий спектр практических распространенческих проблем и выдвигалось предположение о том, почему не сбылись предсказания сторонников технологического детерминизма о всеобщем распространении ЯО. Автор отмечал, что внутривнутригосударственные факторы (такие как стоимость разработки и изготовления ядерного боезаряда, противодействие со стороны несогласных

групп вкуже с международным осуждением, санкциями или договоренностями) могут убедить правящую элиту в бесполезности или, возможно, даже опасности приобретения ядерного арсенала [15, р. 254]. Таким образом, руководство страны и специалисты по военному планированию придут к пониманию, что мощь ЯО преувеличена, и оно не сможет серьезно способствовать достижению их политических целей. Также М. Райс выдвинул тезис о том, что для объяснения причин принятия решения о приобретении ЯО необходимо рассмотреть широкий спектр взаимозависимых факторов во внешней и внутренней политике страны (при доминирующем положении последней). По его мнению, именно тяжелое внутривластическое положение сыграло решающую роль в решении об отказе от ЯО в ЮАР. Важно также, по мнению автора, учитывать, что в каждом конкретном случае причины стремления к ядерному статусу могут меняться, а это делает невозможной выработку общестранового метода противодействия распространению, тем самым ставится под сомнение возможность создания всеобщей теоретической модели распространения.

Несмотря на достаточно жесткое мнение М. Райса о возможностях теории появилось множество общих теоретических моделей, взявших за основу примат внутренней политики при принятии внешнеполитических решений. Данные работы находились на стыке неореализма и неолиберализма и выдвигали тезис о подчиненности отношения к ЯО и распространению внутривластическим факторам, отказываясь тем самым от реалистической и неореалистической дихотомии, отводившей равные роли внешней и внутренней политике. Этель Зольнген проанализировал стратегию целого ряда государств, перед которыми вставала проблема ядерного выбора. Он предположил, что демократические государства, проводящие либерально-экономическую политику, могут добровольно отказаться от открытой разработки ЯО, так как их международное влияние и авторитет достаточно велики, а ядерный статус приведет лишь к росту международной напряженности, будет вытягивать финансовые ресурсы и ослаблять страну [18]. Этот подход был развит в работе Глена Чафетза. Он использовал модель деления стран на “центр” и “периферию”. Страны “центра” разделяют общие ценности, в них развиты либеральные институты, что позволяет им вести активное сотрудничество и не участвовать в гонке вооружений. Данные страны рассматривают друг друга как партнеров и членов “плюралистической системы безопасности”, а не как военную угрозу [7, р. 133]. Таким образом, преимущества от обладания ЯО сводятся к нулю, поскольку государства могут обеспечивать свою безопасность с помощью механизмов международного сотрудничества, а не только собственными силами. Страны “периферии” не имеют опыта построения либеральной демократии,

что делает их крайне разобщенными и агрессивными и подталкивает к разработке собственного ядерного арсенала. В качестве примера автор рассмотрел решение об отказе от ЯО таких стран, как Украина и ЮАР. В ЮАР в начале 1990-х гг. произошла смена режима апартеида на демократический, и в обмен на принятие в ряды стран “центра” Де Клерк отказался от ЯО. То же произошло на Украине после прихода к власти Л. Кучмы, и в 1994 г. страна присоединилась к ДНЯО [7, р. 139–146]. Однако практика показывает, что чистые теории не во всем совпадают с реальностью и дают лишь неполные ответы на загадку распространения. Так, например, в случае ЮАР отказ от ЯО белым правительством мог быть вызван не только рациональным желанием улучшить свою репутацию и экономическое положение, но и страхом из-за невозможности предсказать, что новое негритянское демократическое правительство будут делать с боезарядами. Можно привести и другие примеры. Если “периферийные” государства не разделяют общие интересы, то как можно объяснить появление Движения Неприсоединения? Более того, если страны “центра” настолько уверены в возможности продуктивного сотрудничества, то почему Франция продолжила ядерные испытания несмотря на жесткую международную реакцию? И зачем глава Северной Кореи Ким Чен Ир согласился в 1995, 2004 и 2007 гг. заморозить ядерные программы, сохраняя при этом приверженность тоталитарному режиму? Подход Г. Чафетза может помочь в анализе отношений лишь между некоторыми демократическими странами, а также продемонстрировать, каким образом внутривнутриполитическая система может привести страну к изоляции и формированию враждебного окружения, при котором она начинает задумываться о приобретении ядерного статуса.

Свой подход к проблемам распространения предложили и авторы теории принятия политических решений. Ее основоположник Стефан Меер не принижал важность анализа мотивов и намерений государства, но считал, что невозможно понять сущность процесса распространения без анализа механизма принятия решений. Он предложил модель обретения государством ядерного статуса, состоящую из трех этапов: создание технологического базиса, развитие его в производственную возможность и проведение операционального этапа программы по разработке ЯО [14, р. 22]. Второй этап является самым важным — в ходе него принимается политическое решение о развитии технологического базиса в производственную возможность, что максимально приближает страну к решению о создании ЯО. Этот этап наступает, когда наличие технологического базиса совпадает с сильными мотивационными факторами, убеждая правящие круги, что через обретение ЯО появится возможность достичь своих целей на международной арене, в сфере безопасности и во внутренней

политике. С. Меер подчеркивал, что время перехода от второго этапа к третьему может значительно варьироваться: внешняя и внутренняя поддержка могут ускорить процесс, санкции и внутриполитическое противостояние — серьезно замедлить течение исследований или принудить к их заморозке. Он также отмечал, что военная ядерная программа может быть свернута, если баланс между факторами убеждения и разубеждения сильно качнется в сторону последних. С. Меер своим подходом внес значительный вклад в решение загадки распространения, так как первым продемонстрировал процесс в динамике. В результате автор смог ответить на вопрос, почему политика государств по отношению к ЯО может быть непоследовательной, указав на то, что страна может столкнуться не только с трудностями технического плана, но и с проблемами при принятии окончательного решения, например с неуверенностью ряда внутриполитических сил или необходимостью взвесить все “за” и “против” [14, р. 24]. Подход к проблеме распространения с позиций теории принятия решений применим также при описании процессов формирования “пограничного статуса”. Государство может решить, что не в его интересах разворачивать полномасштабную ядерную программу, и остановиться между вторым и третьим этапами, сохранив все предшествующие разработки. Возможен также и вариант колебания между последними этапами в зависимости от изменения внутренней или внешней среды, как, например, в случае с Северной Кореей. С. Меер рассматривал государство в качестве рационального актора. Но возникает законный вопрос: каким образом анализировать процесс принятия решений, если государство действует нерационально? Ответить на него попытался Грэм Алисон. В своей работе, посвященной анализу Карибского кризиса, он отказался от понимания государства как единого актора и представил процесс принятия политических решений как эгоистичную торговлю между различными внутриполитическими силами. Г. Алисон продемонстрировал, что, казалось бы, абсолютно нерациональное поведение государства может быть объяснено посредством анализа политической деятельности бюрократического аппарата, члены которого имеют “ограниченное восприятие и местечковые цели” [2, р. 43]. Бюрократическая модель может применяться только в сферах международных отношений, которые не сильно ангажированы, что позволяет индивидам или группам проводить там свои интересы, не вступая в конфликт с руководителем государства или экспертным сообществом. Таким образом, Г. Алисон привнес человеческий фактор в процесс принятия решений и предложил искать причины деятельности государства в личностных и узкопартийных интересах.

Скотт Сейган, опираясь на бюрократическую модель Г. Алисона, сфокусировал внимание на роли внутригосударственных

организаций при принятии решений о создании ЯО. С. Сейган — один из самых убежденных противников теории рационального сдерживания К. Уолца. Основной целью обоих авторов было определение влияния ЯО на международный мир и стабильность, но, в отличие от К. Уолца, С. Сейган пришел к выводу, что ядерное распространение дестабилизирует международную систему и в конечном итоге приведет к катастрофическим последствиям. Он использовал организационную теорию, чтобы оспорить основные положения реализма и неореализма о неделимости и рациональности государств как акторов, действующих во благо своих народов. Как отмечал С. Сейган в совместной с К. Уолцом работе “Ядерное распространение: возобновление дебатов” (“The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed”), главы государств пытаются принимать решения рационально, но подвергаются воздействию со стороны влиятельных внутриполитических организаций, чьи позиции и решения могут вступать в прямой конфликт с мнением политического лидера. Это происходит из-за того, что они “слишком зациклены на выполнении стандартных операционных процедур и не в состоянии мыслить более широкими категориями” [21, р. 49]. Данные положения основаны на результатах более раннего исследования С. Сейгана, посвященного роли военных в США в контроле над ядерным потенциалом страны. В частности, им были рассмотрены прецеденты, в ходе которых меры безопасности, призванные предотвратить несанкционированное использование ЯО, давали сбой, и представители высшего военного командования замалчивали данные факты ради сохранения репутации вместо исправления выявленных недоработок [16, р. 18–25]. Подобное поведение не согласуется с защитой интересов государства и вызывает серьезные сомнения по поводу жизнеспособности теории рационального сдерживания, центральный тезис которой утверждает невозможность начала ядерной войны, противоречащей интересам государства.

Достаточно пессимистичен С. Сейган и в определении последствий распространения. Однако наибольший интерес представляет применение организационной теории к выявлению причин стремления к приобретению ЯО. С. Сейган рассматривал внутригосударственные институты как активные группы влияния на внешнеполитический курс, и если не ограничиваться рассмотрением исключительно военных организаций, то можно получить достаточный методологический базис для анализа комплексных процессов принятия решений по вопросам распространения. Например, можно объяснить, почему инспекторы МАГАТЭ обнаружили в ЮАР материалы, подтверждающие разработку термоядерных боезарядов и средств доставки с радиусом действия, значительно превышающим региональные границы. Подобные технологии были

не нужны, если бы ЯО этой страны использовалось только как дополнительный аргумент при переговорах, как заявляла правящая элита Претории. Организационная теория отвечает на этот вопрос, обращая наше внимание на влияние и политический вес ученых из Armscor, требовавших все больше и больше финансовых ресурсов на разработку более совершенных ядерных боезарядов и средств доставки [19]. Данная теория может приблизить нас к пониманию процессов, происходящих в Исламской республике Иран. Так, например, выделив основные группы влияния в стране, можно прийти к выводу о том, что среди политических элит нет консенсуса по вопросу приобретения ЯО [9, р. 54]. И, наконец, можно даже составить представление о ядерной политике такой закрытой и изолированной страны, как КНДР. Американский политолог Александр Мансуров смог выделить влиятельную группу, состоящую из партийной номенклатуры и высокопоставленных военных, которые активно продвигают идею разработки и приобретения ядерного боезаряда [12, р. 96].

Как мы убедились, организационная теория предоставляет значительные возможности для анализа, но имеет и ряд ограничений. Во-первых, она преувеличивает роль организаций и фактически игнорирует личный фактор при принятии решения по ядерным вопросам. Во-вторых, несмотря на то что вся теория основана на утверждении о ведущей роли организаций при принятии решений, она не объясняет, какие из внутригосударственных институтов наиболее влиятельны и по каким критериям следует оценивать их политический потенциал. В-третьих, придавая такое значение влиянию организаций на процесс принятия решений, данная теория выглядит крайне пессимистично и предопределенно, так как игнорирует возможность изменения взглядов внутри групп влияния под воздействием новой информации, способной перечеркнуть все прошлые установки.

Личностный фактор практически полностью игнорируется или недооценивается в политических теориях, но достаточно подробно рассматривается в политической психологии. Бюрократическая модель Г. Алисона и организационная С. Сейгана не могут объяснить иррациональное поведение отдельных личностей, стоящих во главе государств и относительно свободных от организационных ограничений. Концепция “анализа мировоззрения” была призвана решить данную проблему и разгадать еще один элемент головоломки распространения. Этот подход строится на предположении о том, что все убеждения и поступки того или иного индивида, участвующего в процессе выработки и принятия решений, взаимосвязаны. Следовательно, невозможно проводить целостный анализ этого процесса, игнорируя фактор убеждений. Например, психологи отмечают, что в ходе кризисных ситуаций индивид склонен чрезмерно упрощать

картину происходящего и игнорировать информацию, противоречащую его убеждениям. Очень часто нерациональные решения во внешней политике принимаются из-за того, что индивид, ответственный за них, считает, что остальной мир разделяет его мировоззрение, и не всегда понимает, к каким последствиям может привести тот или иной шаг [17, р. 132]. Более того, впоследствии принимающий решение может неправильно истолковывать ответные шаги других акторов, что еще более затрудняет понимание его поведения. В психологии считается, что мировоззрение воздвигает барьеры, которые не пропускают важную для принятия рационального решения информацию [17, р. 134].

Довольно часто мировоззренческий подход критикуют за то, что он, хоть и подходит для анализа индивидуального действия, не объясняет, почему целые группы людей имеют одинаковые убеждения по поводу того или иного вопроса, не располагая объективной информацией о нем. Питер Лавой попытался разрешить данную проблему посредством введенной им “мифологической модели”. Его работы посвящены ответу на вопрос, почему ЯО продолжает распространяться несмотря на вносимую им атмосферу неопределенности и катастрофические последствия его применения. П. Лавой утверждал, что национальные элиты, разрабатывающие ЯО, создают миф, описывающий военные, политические и экономические преимущества ядерного статуса. Этот миф крайне важен для сплочения групп, так как при отсутствии объективной информации о характере взаимосвязи между войной и ЯО опираться остается только на “веру и логику” [10], что делает мифологическое построение достаточно прочным. В качестве примера П. Лавой описал роль индийской Атомной Энергетической Комиссии и ее председателя Хоми Баба в процессе принятия решения о создании ядерного боезаряда. Однако мифологическая концепция не лишена недостатков. П. Лавой подчеркивал, что “ядерный миф”, обещающий стране процветание при наличии ЯО, держится до тех пор, пока один из высокопоставленных политических деятелей не создаст новый миф — “миф ядерной незащищенности”. Таким образом, автор пытался объяснить с помощью своей модели процессы распространения и нераспространения. Возникает вопрос: можно ли толковать опасения по поводу опасности, исходящей от ЯО, как миф? Этот вопрос особенно актуален в свете все увеличивающегося количества инцидентов с ядерными материалами. Еще одним минусом концепции является отсутствие динамики — мифологическая модель не принимает в расчет новую информацию о процессах распространения, а ведь она может вызывать расколы в лагере сторонников мифа.

Теория “эпистемологических групп” также акцентирует свое внимание на деятельности политических элит, но строится на

тезисе о существовании межгосударственных экспертных групп, разделяющих общие научные интересы и имеющие сходные технологические уровни, представления о причинно-следственных связях в сфере международной безопасности, а также возможность влияния на принятие политических решений [1]. Большой плюс подобного подхода — отказ от положения о том, что индивиды и группы, задействованные в процессе принятия решений в сфере безопасности, действуют исключительно в интересах государства. Следовательно, появляется возможность рассматривать процессы распространения, имея большую свободу в оценке деятельности индивидов и групп, которые в своих действиях могут опираться на международную научную среду и общегрупповые ценности. В той же мере, в какой психологические подходы позволяют объяснить, каким образом вера в преимущества ЯО может привести к распространению, в такой же степени теория эпистемологических групп демонстрирует, как обесцениваются программы вооружений или стратегические концепции под влиянием межгосударственных экспертных групп, способных убеждать политических лидеров. Теория рисует очень оптимистичную картину происходящего в сфере принятия решений по ядерным вопросам. Но каким образом группы экспертов смогут навязать политическим лидерам решение, серьезно расходящееся с их видением мировой политики? Почему правящие элиты основных крупных держав в свое время приняли концепцию рационального сдерживания и почему она перестала быть столь убедительной сейчас? Как объяснить и то, что часто экспертное мнение используется просто для подтверждения и поддержки уже принятого политического решения? Не на все эти вопросы ответ будет оптимистичен. Например, ряд ядерных государств используют теорию рационального сдерживания для оправдания наличия у них ядерного потенциала и соглашаются с экспертами, которые являются ее противниками, когда речь заходит о странах, стремящихся к приобретению ЯО. В то же время есть надежда на то, что опыт и новая информация о негативном влиянии ЯО на военную, политическую, экологическую и экономическую сферы государственной деятельности могут заставить лидеров пойти по пути нераспространения. В качестве примера можно назвать отказ Украины от ядерного наследия СССР, который, по мнению ряда сторонников психологической парадигмы, был вызван страшным опытом Чернобыльской катастрофы [11, р. 46]. Не стоит также забывать, что для изменения отношения к ядерному распространению необходимы все новые и новые примеры, подаваемые другими (более технологически развитыми) странами. К сожалению, политика, проводимая США, особенно в свете последних планов по размещению третьего позиционного района ПРО в Восточной Европе, серьезно вредит формированию негативного восприятия ядерного распространения.

Не только США, но и практически все современные ядерные государства продолжают поддерживать концепцию ядерного сдерживания, ни в коей мере не желая пойти на послабление данного режима, пусть даже в виде китайского варианта декларации о неприменении ЯО первыми.

В заключение можно сделать следующие выводы. Процесс ядерного распространения должен рассматриваться как следствие влияния внутренних и внешних стимулов, групп и конкретных индивидов, обладающих различными мировоззрениями, идеями и интересами. Ввиду сложности проблемы становится ясно, что ни одна из существующих теорий не в состоянии обеспечить исчерпывающее объяснение процессов распространения, хотя и предоставляет возможность ответа на ряд важных вопросов. Новая информация и развитие технологий являются злейшими врагами любой теории, подвергая сомнению правдоподобность теоретических построений реалистов и неореалистов и открывая новые исследовательские горизонты для сторонников теории принятия политических решений. Эффективной может стать лишь теория, находящаяся на стыке подходов и способная быстро адаптироваться к динамично изменяющимся параметрам объекта исследований, отвечая на все новые и новые вызовы. Неохваченными остаются еще множество вопросов. Прежде всего это проблема влияния культуры, религии и традиций в той или иной стране на политический процесс. Данные факторы становятся особенно актуальными при анализе распространения в восточных странах, где различия между европейским и местным мышлением носят всеобъемлющий характер. Непонятным остается и то, каким образом общественное мнение внутри страны и за ее пределами может повлиять на процессы распространения. Большая часть концепций сбрасывает со счетов основное население, не рассматривая его как фактор, способный повлиять на политическое решение в военной сфере (например, в Японии уже достаточно давно и успешно общественность сопротивляется изменению Конституции в целях создания собственных вооруженных сил). Говоря о бюрократии, никто не освещает влияние межклановых союзов и войн в процессе принятия решений. Учитывая вышесказанное, можно смело заявить, что перед современными учеными-теоретиками открыты бескрайние горизонты в исследовании процессов распространения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Adler E.* The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control // International Organization. Winter 1992. Vol. 46. № 1. P. 101–146.
2. *Allison G.* Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. London: Longman, 1999.

3. *Betts R.* Paranoids, Pygmies, Pariahs and Nonproliferation Revisited // Security Studies. Spring/Summer 1993. Vol. 2. № 3/4. P. 100–124.
4. *Bhatia Shyam.* India's Nuclear Bomb. Ghazibad: Vikas Publishing House, 1979.
5. *Buzan B., Jones Ch., Little R.* The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. New York: Columbia University Press, 1993.
6. *Buzan B., Little R.* International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. New York: Columbia University Press, 2000.
7. *Chafetz G.* The End of the Cold War and the Future of Nuclear Nonproliferation: An Alternative to the Neo-realist Perspective // Security Studies. Spring/Summer 1993. Vol. 2. № 3/4. P. 127–158.
8. *Frankel B.* The Brooding Shadow: Systemic Incentives and Nuclear Weapons Proliferation // Security Studies. Spring/Summer 1993. Vol. 2. № 3/4. P. 37–65.
9. *Kemp G.* Iran's Bomb. American and Iranian Perspectives. Washington, 2004.
10. *Lavoy P.* Nuclear Myths and the Causes of Nuclear Proliferation // Security Studies. Spring/Summer 1993. Vol. 2. № 3/4. P. 192–212.
11. *Marushko I.* Ukraine Becomes Nuclear Weapons Free Country // IAEA Daily Press Review. 4 June 1996.
12. *Mazaar J., Toloraya G., Mansourov A., Spina M.* On Korea 2008: Academic Paper Series. Vol. 1. Korea Economic Institute, 2008.
13. *Mearsheimer J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International Security. 1990. Vol. 15. № 1. P. 5–56.
14. *Meyer S.* The Dynamics of Nuclear Proliferation. Chicago: The University of Chicago Press, 1984.
15. *Reiss M.* Without the Bomb: The Politics of Nuclear Non-proliferation. New York: Columbia University Press, 1988.
16. *Sagan S.* The Limits of Safety. Princeton: Princeton University Press, 1993.
17. *Sears D., Huddy L., Jervis R.* Oxford Handbook of Political Psychology. Oxford, 2003.
18. *Solingen E.* The Domestic Sources of Nuclear Postures: Influencing Fence-sitters in the Post-Cold War Era // IGCC Policy Paper. October 1994. № 8. URL: <http://repositories.cdlib.org/igcc/PP/PP08/> (дата обращения: 24.07.2009).
19. South Africa Profile. NTI Nuclear Overview, 2009. URL: http://www.nti.org/e_research/profiles/SAfrica/Nuclear/index.html (дата обращения: 15.09.2009).
20. *Waltz K., Sagan S.* The Spread of Nuclear Weapons: More May Be Better, Nuclear Myths and Political Realities // American Political Science Review. Fall. 1990. № 84. P. 47–78.
21. *Waltz K., Sagan S.* The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed. New York, 2002.
22. *Zachary D.* The Realist Nuclear Regime // Security Studies. Spring/Summer 1993. Vol. 2. № 3/4. P. 79–99.